

Глава 50. Проводы

Новобрачный прибыл, и свадебная церемония вот-вот должна была начаться. Большинство жителей деревни, услышав шум, оставили свои дела, заперли дворы и направились к дому Юньтина, чтобы стать свидетелями торжества и разделить радость.

На дверном засове дома Юньтина висел кусок красной ткани. Двор и тропинка перед ним были тщательно выметены, даже обычные для деревенских дорог выбоины и ямы заровняли. Было очевидно, что, несмотря на бедность, к этому браку отнеслись со всей серьёзностью, сделав всё возможное.

Когда семья Цю Хуаняня подошла, новобрачный уже покинул паланкин. Его тут же обступила гурьба детей, требуя свадебных угощений. Лицо его скрывало красное покрывало, поэтому выражения не было видно, но неловкость сквозила в каждом движении.

Юньтин, с большим цветком из красной материи на груди, взял небольшую, украшенную иероглифом «счастье» корзинку и протиснулся к своему супругу. Тот ничего не видел, и молодому человеку пришлось взять его руку, чтобы уверенно вложить в неё ручку корзинки.

Едва их руки соприкоснулись, как взрослые вокруг разразились одобрительными возгласами. Дети, хоть и не понимали причины, тоже захлопали в ладоши и рассмеялись. У жениха, в отличие от его суженого, не было покрывала, скрывающего лицо, и дюжий, почти семи футов ростом, парень густо покраснел.

Он растерянно застыл, но тут кто-то потянул его за пояс. Обернувшись, он увидел, что новобрачный протягивает ему корзинку. Юньтин всё понял и поспешил вместе с ним раздавать сладости, чтобы хоть как-то утихомирить любопытных односельчан.

Угощением служили сорговые ириски, купленные у Цю Хуаняня. Из уважения к другу тот продал их по оптовой цене. Семья Юньтина потратила пятьдесят вэней на сто штук, после чего каждую конфету разрезали на четыре части размером с боб. Этими лакомствами и наполнили корзинку, покрытую красной тканью с иероглифом «счастье».

Молодожёны стояли посреди двора и раздавали угощения. Все подходили, чтобы получить свою долю. Дети нетерпеливо отправляли сладости в рот, а взрослые либо съедали сами, либо отдавали своим чадам.

Цю Хуанянь, потянув за собой Ду Юньсэ, тоже подошёл к паре. Кто-то, увидев его, с улыбкой поддразнил:

— Братец Хуа, эти сладости ты же сам и делаешь, зачем пришёл просить?

— Это ведь свадебные сладости, разве их можно сравнить с обычными? — с улыбкой ответил

Цю Хуанянь и протянул руку. — Хочу, чтобы новобрачный сам мне их дал.

Новобрачный под красным покрывалом услышал разговор и понял, что перед ним стоит сам Цю Хуанянь.

Хотя он тоже был гээр из деревни Шанлянь, его семья враждовала с семьёй Цю, поэтому в детстве они не были знакомы. Самым ярким воспоминанием о Цю Хуаняне для него были события полугодовой давности с перезахоронением и судьба Цю Фу и остальных, о которых до сих пор ничего не было известно.

Некоторые в деревне Шанлянь восхищались смелостью Цю Хуаняня, другие же шептались, что он жестокосерден, безжалостен и идёт против всех устоев — дурное семя. Новобрачный нервно сжал корзинку. Лишь когда Юньтин ободряюще коснулся его, он поспешно протянул ириску.

Кончики пальцев коснулись тёплой, мягкой кожи, и тот же ясный, приятный голос снова произнёс с улыбкой:

— Наконец-то выманил сладость. Желаю вам любви и согласия на сто лет.

Новобрачный почему-то вдруг вздохнул с облегчением. Он слегка прислонился к высокому и крепкому мужчине рядом, и на душе у него потеплело.

Поклонились Небу и Земле, отведали праздничных яств, немного пошумели, и гости стали потихоньку расходиться. Новобрачного давно уже увели в свадебные покои, а Юньтина под одобрительные возгласы братьев по клану втолкнули туда же. Дальнейшее время принадлежало только им двоим, и все, обладая тактом, не стали им мешать.

Гармоничная свадьба ненадолго развеяла тёмные тучи, сгустившиеся над деревней Ду. Но трудовая повинность неумолимо приближалась, и на третий день после торжества настал день отправки призванных из уезда Чжан.

Ранним утром стражники, прибывшие накануне, начали переключку у околицы. Почти все жители деревни собрались там. Никто не пошёл в поле, не кормил скот, не мёл двор — все мысли были с односельчанами, отправлявшимися в дальний путь.

В этот раз из деревни Ду на службу уходило двадцать восемь человек, в их числе Баои и Юньлэй. Баои стоял в толпе с заплечным мешком, в котором лежали сухой паёк и сменная одежда. Глядя на плачущих жену и детей, он то сжимал, то разжимал кулаки.

Глава клана, закончив разговор со стражником, обернулся и увидел своего второго сына. Сердце его сжалось. Баои уходил, и была велика вероятность, что ему, седовласому старику, придётся хоронить собственного сына. Ему было жаль каждого из троих, но если жаль всех, то кем-то одним всё равно приходилось жертвовать.

У самого главы клана было много детей: три сына и две дочери. Но его сыновьям с потомством везло меньше. У старшего до сих пор был лишь один наследник. Второй много лет был женат, но детей всё не было; наконец жена забеременела, но родила девочку, а потом снова шесть или семь лет тишины, и только три года назад на свет появился сын. Глава клана при одной мысли об этом мрачнел.

Только третий сын с супругой радовали его, рожая детей одного за другим. Уже было трое мальчиков, и вот снова на подходе. Глава клана, хоть и не показывал этого, в душе отдавал предпочтение именно этой ветви.

Беременность у жены третьего сына протекала тяжело. С самого начала её мучили тошнота и недомогание, приходилось то и дело звать лекаря. Старик боялся, что если Баоли уйдёт, его невестке станет хуже, и в худшем случае внуки останутся без отца и матери. Поэтому выбор пал на второго сына, Баои.

Тот почувствовал на себе взгляд отца. Они молча смотрели друг на друга. Наконец Баои с дрожью в голосе усмехнулся и, подойдя, сказал:

— Отец, я ухожу. Берегите себя.

— Ты... и ты береги себя. Будь осторожен, обязательно вернись живым. Через пару лет Цуньлань уже можно будет сватать, ты, как отец, должен будешь выбирать ей жениха и быть опорой.

Баои взглянул на дочь, которая, обняв Е Таохун за пояс, молча плакала. Он тихо хмыкнул.

— Отец, возможно, мы видимся в последний раз. Я никогда ничего у вас не просил, но сегодня, перед лицом всех односельчан, я хочу попросить об одном.

— ...Говори.

— Юньчжэ хочет учиться, я не могу и не имею права ему мешать. Но моя Цуньлань тоже должна учиться. Всё, что есть у Юньчжэ, должно быть и у неё. Её брак будет решать одна лишь Таохун, и замуж она выйдет только после восемнадцати.

Слова Баои ошеломили всех, кто их слышал. Семья Баоли в изумлении смотрела на своего второго брата и дядю, не находя слов.

Глава клана тоже не ожидал такого.

— Ты просишь не за Юньина, а за Цуньлань?

Юньин, родной сын Баои, которому едва исполнилось три года, непонимающе сосал палец на руках у матери.

Мужчина с тоской посмотрел на них и покачал головой.

— Юньин ещё мал, пройдёт много лет, прежде чем он сможет учиться. Сейчас важнее всего Цуньлань. И... отец, скажу честно, Юньин всё-таки мальчик, вы о нём хоть немного, да позаботитесь. Но если я, её отец, не попрошу за свою Цуньлань, на кого ей ещё надеяться?

— ... — Главе клана нечего было возразить.

— Отец, я знаю, вы боитесь, что мой род прервётся, и всегда хотели, чтобы я поскорее родил сына. Я был очень рад, когда родился Юньин. Но Цуньлань — мой первенец, единственный ребёнок, который у нас с Таохун был столько лет. Я люблю её даже больше, чем сына.

— Отец, пообещайте мне, чтобы я мог уйти со спокойной душой.

— ... — Седая борода старика задрожала. Спустя долгое мгновение он закрыл глаза и произнёс:
— Хорошо, хорошо, всё будет по-твоему. Баои... и ты... обязательно вернись живым.

— ...Отец! — Цуньлань наконец не выдержала, подбежала и, обняв ноги отца, зарыдала.

Баои поднял её на руки, как в детстве, но тут же опустил.

— Моя Цуньлань совсем выросла, отец уже не может тебя поднять, — сказал он, глядя её по голове. — Уважай мать, заботься о брате, хорошо учись. Я знаю, какая ты у меня способная, ты обязательно добьёшься большего, чем другие!

Девочка, громко плача, закивала. С этого момента сдержанная скорбь провожающих прорвалась наружу, и вскоре плач и рыдания наполнили воздух у околицы, словно заранее зазвучавшая погребальная песнь.

Семья Баоли, хоть и была недовольна решением об учёбе Цуньлань, в такой обстановке не смела и слова вымолвить. Иначе Баои разорвал бы их на части, да и сплетни односельчан потопили бы их.

Цзюцзю, держа Цю Хуаняня за руку, стояла в стороне и смотрела на прощавшуюся с родителем Цуньлань. Её глаза постепенно покраснели.

— Братец Хуа, — она потянула его за рукав. Цю Хуанянь наклонился, и она спросила: — Почему обязательно нужно идти на границу служить?

Девочка была ещё мала и не застала смутных времён двадцати-тридцатилетней давности. Цю Хуанянь погладил её по голове и указал на желтеющие поля за деревней.

— Цзюцзю, посмотри туда. Это поля, которые мы засеяли. Весной мы сажаем, несколько месяцев усердно трудимся, а осенью собираем урожай, чтобы весь год быть сытыми и жить спокойно.

— Если татары из-за границы прорвутся сюда, доскачут до уезда Чжан, они сожгут наши посеы, отнимут нашу еду, убьют мужчин, угонят женщин и гээр... Тогда все погибнут.

— Поэтому мы должны стойко защищать границу, не пускать врага. И воины на границе, и призванные на службу — все рискуют жизнью, чтобы защитить династию Юй, своих родных и весь народ.

Цзюцзю задумчиво прошептала:

— Они все — великие мужи, о которых пишут в книгах. Они — герои.

Стражники начали торопить. Им нужно было до полудня добраться до уездного города Чжан, чтобы вместе со всеми отправиться на границу.

Три мула, единственные на всю деревню — из хозяйств главы клана, Цю Хуаняня и Ду Юньху — были запряжены в телеги и выстроились в ряд, чтобы отвезти двадцать восемь человек в их дальний путь.

Цю Хуанянь выпрямился и провожал их взглядом, пока повозки не скрылись из виду. Ушли двадцать восемь, сколько же вернётся?..

***

Деревня внезапно опустела на двадцать восемь человек, но жизнь продолжалась. Уже на следующий день после свадьбы Юньтин снова пришёл на работу к Цю Хуаняню. Тогда же юноша познакомился и с его новым супругом, гээр по имени Ся Син, примерно его ровесником.

Ся Син был родом из деревни Шанлян, но, поскольку его семья всегда враждовала с семьёй Цю, в памяти прежнего владельца тела его не было, и Ся Син тоже ничего не знал о Цю Хуаняне.

Пообщавшись, Цю Хуанянь обнаружил, что Ся Син был очень робок, с мягким и покладистым характером, его легко было напугать. Черты его лица были лишь милovidными, но почему-то вызывали желание защитить.

Юньтин работал в поле, а Ся Син в обеденное время часто приносил ему в корзинке еду. Так, мало-помалу, они и познакомились с Цю Хуанянем. Узнав, что тот умеет прясть, Цю Хуанянь загорелся желанием, как только соберут хлопок, увидеть это воочию.

Прошло ещё несколько дней. Однажды утром, когда Цю Хуанянь только позавтракал, в дверь вдруг отчаянно забарабанил Юньтин. Увидев хозяина дома, он радостно воскликнул:

— Братец Хуа, скорее пойдём посмотрим! В поле несколько коробочек хлопка раскрылись!

Эта новость взбудоражила весь дом. Все бросили свои дела и поспешили на хлопковое поле.

Большинство коробочек ещё не созрели, лишь несколько самых быстрых, потемнев до сухого коричневого цвета, раскрылись, явив миру белоснежные волокна.

Юноша, раздвигая хлопковые кусты высотой в половину человеческого роста, вошёл вглубь поля. Он осторожно сорвал одну раскрывшуюся коробочку и аккуратно разломил её, вытягивая волокна и стараясь не испачкать их.

Когда комок чистого, белого, мягкого хлопка лёг на его ладонь, его лицо озарила широкая улыбка. Он обеими руками прижал к себе этот первый, с таким трудом добытый урожай, повернулся среди хлопковых кустов и высоко поднял руки.

— Юньсэ! Смотри, хлопок!

Ветер колыхал кусты, и зелёные волны пробежали по полю. Стоящий в центре человек, подобный неувядающему цветку, слился с окружающим пейзажем в единую, нерукотворную, божественную картину, которая навсегда отпечаталась в глазах Ду Юньсэ.

<http://bllate.org/book/15363/1417558>